

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ГОГОЛІВСЬКОГО ТЕКСТУ

Н. К. БЕЛОУСОВА

СЛУЧАЙНОЕ И ВЕЧНОЕ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «СТАРΟΣВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ»

В статье рассматривается отношение Н. В. Гоголя к категории случайного и вечного в повести «Старосветские помещики». Сравниваются понятия любви, привычки и страсти.

Ключевые слова: случайное, вечное, любовь, привычка, страсть.

Вспоминая через 17 лет после кончины Н.В. Гоголя свои с ним встречи, И. С. Тургенев вдруг обнаружил, что первая встреча произошла еще в 1835г., когда Тургенев был в числе слушателей на лекциях по истории Гоголя-Яновского в Петербургском университете. Тогда все зачитывались «Вечерами на хуторе близ Диканьки» и только что вышедшим «Миргородом», который открывали «Старосветские помещики».

Сам Гоголь считал «Старосветских помещиков» лучшим своим созданием и из всего им написанного больше всего любил именно эту повесть. Белинский восхищался ею, но истинный духовный масштаб ее понял спустя годы, повзрослев душой и пережив смерть близкого человека. Современники не могли взять в толк, в чем загадка этой с виду простой прозы, в чем секрет такого ее воздействия на человека.

Сюжет повести достаточно прост Живут уединенно в крохотном глухом именьеце обыкновенные старик со старухой. Много случайностей было на веку героев повести: служба Афанасия Ивановича, случайная встреча Афанасия Ивановича с Пульхерией Ивановной, которая привела к случайному созданию семьи, похищение невесты (когда-то Афанасий Иванович Товстогуб увез свою Пульхерию Ивановну из родительского дома вопреки нежеланию родственников отдавать ее за него замуж). Гоголь легко напоминает и о случайном разрушении: продавленном стуле, «крадущейся» радуге, уподобленной полуразрушенному своду.

Дни старосветских помещиков проходили тихо, скромно, невыразительно. Гоголь описывает некое растительное существование, в котором гоголевские старички не особенно усложняли свою жизнь. Эти простодушные добрячки любили хорошо поспать да вкусно поесть. Они питали почти детскую надежду на то, что хорошей едой можно защититься от всех бед и напастей.

Размеренная жизнь Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны напоминала «прекрасный дождь, который роскошно шумит, хлопая по древесным листьям, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены»[1, 229]. Все дни протекали одинаково. Пульхерия Ивановна заранее знала все желания мужа, и они моментально исполнялись. Все

мысли Пульхерии Ивановны перед смертью были только о своем супруге. Она дает последние указания ключнице о том, как ей заботиться об Афанасии Ивановиче.

Подобных примеров обыденной жизни этих помещиков Гоголь приводит достаточно. Однако, несмотря на обилие примеров, Гоголь старается не концентрировать свое внимание на обыденном, случайном в жизни героев. О случайном в своей жизни человек очень часто либо совсем ничего не знает, либо знает о нем крайне мало, что не может предвидеть результаты его действия.

При этом Гоголь придает особый смысл вечному. Прочно и вечно на земле, по убеждению Гоголя, только одно – любовь. Она неподвластна никаким жизненным потрясениям и выше всех мировых катаклизмов и катастроф. Любовь героев Гоголя истинная, сильная, продолжительная. Эти стареющие люди живут друг для друга в любви земной, тихой, в любви-верности, любви-преданности, которая побеждает время. Эта любовь «проявляется и в добром бескорыстии ко всякому пришедшему из мира внешнего, и, главное, в том светлом и чистом чувстве, которое и стало основным содержанием жизни стариков, так что они даже и не замечают его как бы» [2, 105]. Гоголь, по мнению Белинского, нашел объяснение человеческому чувству, двигавшего и оживлявшего его героев. Он целомудренно определяет это чувство как привычку, которую он противопоставляет страстям: «чувство привычки сильнее, глубже и продолжительнее...страсти» [3, 169-170]. Гоголя считает что, это чувство гораздо надежнее романтической «страсти», высмеянной им в этой же повести. Вторжение бурных страстей и событий угрожает разрушением размеренного течения жизни героев. Намек на них – странные «шуточки» Афанасия Ивановича: сгорит дом и кухня. Сам он уйдет на войну. Неожиданно именно данный смысло-эмоциональный вариант получает развитие, «ломаая» все прежние связи (идиллии, отгороженность от мира, живописность). Подобная «страсть» скоропреходяща и эгоистична, в ней человек любит прежде всего самого себя и свое собственное чувство, не думая о другом человеке. Поскольку в старосветском мире не властвует злой дух, оттого в нем и нет сжигающих душу страстей.

Гоголь, будучи православным человеком, прекрасно знал об одном законе духовной жизни: глубина переживания, внутренняя сила чувств никак не зависят от силы их внешнего проявления. Пылкость чувств несколько не говорит об их глубине. Истинное чувство, как правило, выглядит тихо, скромно, неприметно. Внешняя пылкость, скорее всего, свидетельствует о недостатке внутреннего переживания, когда все силы уходят на внешнее. Появляется мотив похищения, которому придается символистический оттенок. Смерть в образе кошечки, променявшей покойное и сытое существование на любовь диких котов, отнимает у Афанасия Ивановича жену, а сама Пульхерия Ивановна «променивает» идиллию семейной жизни на иной мир, на иную любовь (как кошечка выпрыгивает в окно). Так «неожиданное», случайное событие разрушает

возможность повторения мифа о Филемоне и Бавкиде: герои умерли не одновременно. Трагизм события становится тем внешним вторжением, которое могло нарушить «гармонические грезы» жизни-сна, жизни – отрешенного созерцания. На первый план выступает иной смысл – грусть при созерцании разрушающейся идиллии, осуществившихся угроз-страхов (теперь Пульхерия Ивановна пугает мужа, а не он «шутит» над ней), вторжение внешнего мира (похороны), отсутствие сильных душевных движений («бесчувственность» Афанасия Ивановича). Так, например, когда Афанасий Иванович встал у свежей могилы Пульхерии Ивановны, он и выказал эту бесчувственность: «так вот это вы уже и погребли ее; зачем?!...». Он остановился и не закончил своей речи» [4, 226].

Отношение Афанасия Ивановича к смерти жены акцентировано двумя эпизодами, нарушающими «бесчувственность» персонажа. Он рыдает не в момент ее смерти и не на похоронах Пульхерии Ивановны. Во время похорон Афанасий Иванович молчал, как бы не понимая, что происходит. Лишь вернувшись домой, он стал сильно и безутешно рыдать. Неудержимые слезы вызывают у него предметы, связанные с Пульхерией Ивановной: ее стул, любимое блюдо: «Но когда возвратился он домой, когда увидел, что пусто в его комнате, что даже стул, на котором сидела Пульхерия Ивановна, был вынесен, – он рыдал сильно, рыдал неутешно, и слезы, как река, лились из его тусклых очей» [5, 226].

Он как бы любит не самого человека, а то, что его напоминает, что было проявлением его заботы о нем (еда, в первую очередь). Так определяется основной смысл произведения, придающий его «живописной пестроте» единую основу: рассказ о Пульхерии Ивановне и Афанасии Ивановиче не просто рассказ о двух «буколических» старичках, идеальных супругах, связанных с привычкой. За внешними проявлениями их обыденной жизни была скрыта непреходящая любовь, над которой бессильны две самые разрушительные силы: время и смерть.

Два последних оттенка смысла переданы рассказом о страстно влюбленном юноше, постепенно забывшем свою возлюбленную. Даже самую сильную страсть лечит время. «Я знал одного человека в цвете юных еще сил, исполненного истинного благородства и достоинств, я знал его влюбленным нежно, страстно, бешено, дерзко, скромно, и при мне, при моих глазах почти, предмет его страсти – нежная, прекрасная, как ангел, – была поражена ненасытной смертью. Я никогда не видал таких ужасных порывов душевного страдания, такой бешеной, палящей тоски, такого пожирающего отчаяния, какие волновали несчастного любовника. Я никогда не думал, чтобы мог человек создать для себя такой ад, в котором ни тени, ни образа и ничего, что бы сколько-нибудь походило на надежду... Его старались не выпускать с глаз; от него спрятали все орудия, которыми бы он мог умертвить себя. Две недели спустя он вдруг победил себя: начал смеяться, шутить; ему дали свободу, и первое, на что он употребил ее, это было – купить пистолет. В один день внезапно раздавшийся выстрел перепугал ужасно его родных. Они вбежали

в комнату и увидели его распростертого, с раздробленным черепом. Врач, случившийся тогда, об искусстве которого гремела всеобщая молва, увидел в нем признаки существования, нашел рану не совсем смертельною, и он, к изумлению всех, был вылечен. Присмотр за ним увеличили еще более. Даже за столом не клали возле него ножа и старались удалить все, чем бы мог он себя ударить; но он в скором времени нашел новый случай и бросался под колеса проезжавшего экипажа. Ему растрошило руку и ногу; но он опять был вылечен. Год после этого я видел его в одном многолюдном зале: он сидел за столом, весело говорил: «петит-уверт», закрывши одну карту, и за ним стояла, облокотившись на спинку его стула, молоденькая жена его, перебирая его марки» [6, 226-227].

Итак, палящая тоска, бешеные страдания, две попытки покончить жизнь самоубийством, но всего через год – все хорошо, у него молоденькая жена, он счастлив, он веселится, все забыто!

С такими же мыслями автор едет в гости к Афанасию Ивановичу. Уж он-то, наверное, за прошедшие 5 лет тем более давно забыл свою супругу! «Пять лет прошло с того времени. Какого горя не уносит время? Какая страсть уцелеет в неровной битве с ним?» [7, 226]. Афанасий Иванович угощает своего гостя. Подают на стол мнишки (сырники – Н. Б.) со сметаною И тут происходит нечто неожиданное: «... это то кушанье, – продолжал он, и я заметил, что голос его начал дрожать, и слеза готовилась выглянуть из его свинцовых глаз. Но он собирал все усилия, желая удержать ее. – Это то кушанье, которое по... по... покой... покойни...» – и вдруг брызнул слезами. Рука его упала на тарелку, тарелка опрокинулась, полетела и разбилась, соус залил его всего; он сидел бесчувственно, бесчувственно держал ложку, и слезы, как ручей, как немолчно текущий фонтан, лились, лились, ливмя на застилающую его салфетку» [8, 228]. Афанасий Иванович, едва услышав зов умершей жены, не страшась смерти, последовал за ней. Зачем ему жизнь, если ушла та, которая так любила его и без которой ему так грустно и одиноко в мире.

В «Старосветских помещиках» речь идет конечно же не только о жизни людей «пустых, ничтожных и жалких», хотя «добрых и радушных» [9, 170]. Не без иронии, рисуя картину безмятежного существования милых старосветских старичков, Гоголь одновременно размышляет о непрочности человеческого бытия и о том, как порой какое-нибудь незначительное событие может все изменить и послужить причиной разрушения на первый взгляд прочно устоявшихся основ жизни независимо от того, идет ли речь о государстве или о затерянной в глуши усадьбе, которая и на карте-то не отмечена. «...по странному устройству вещей, – пишет Гоголь, – всегда ничтожные причины родили великие события, и наоборот – великие предприятия оканчивались ничтожными следствиями. Какой-нибудь завоеватель собирает все силы своего государства, воюет несколько лет, полководцы его прославляются, и наконец все это оканчивается приобретением клочка земли, на котором

негде посеять картофеля; а иногда, напротив, два какие-нибудь колбасника двух городов подерутся между собою за вздор, и ссора объемлет наконец города, потом села и деревни, а там и целое государство» [10, 221].

Мысль, что никто в этом мире не застрахован от случайностей, что несчастье может в любой момент обрушиться как на простого смертного, так и «на царей и повелителей мира», будет звучать у Гоголя и позднее.

Литература

1. Гоголь Н. В. Сочинения: В 2-х т. – Т. 1. – М., 1973- 599 с.
2. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 5 частях. – Ч. П. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. – 480 с.
3. Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9-ти т.- Т. 1. – М., 1976. – 736 с.
4. Гоголь Н. В. Сочинения: В 2-х т. – Т. 1. – М., 1973. – 599 с.
5. Гоголь Н. В. Сочинения: В 2-х т. – Т. 1. – М., 1973. – 599 с.
6. Гоголь Н. В. Сочинения: В 2-х т. – Т. 1. – М., 1973. – 599 с.
7. Гоголь Н. В. Сочинения: В 2-х т. – Т. 1. – М., 1973. – 599 с.
8. Гоголь Н. В. Сочинения: В 2-х т. – Т. 1. – М., 1973. – 599 с.
9. Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9-ти т. – Т. 1. – М., 1976. – 736 с.
10. Гоголь Н. В. Сочинения: В 2-х т. – Т. 1. – М., 1973. – 599 с.

Наталія Білоусова

ВИПАДКОВЕ ТА ВІЧНЕ В ПОВІСТІ М. В. ГОГОЛЯ «СТАРОСВІТСЬКІ ПОМІЩИКИ»

У статті розглядається відношення М. В. Гоголя до категорії випадкового та вічного в повісті «Старосвітські поміщики». Порівнюються поняття любові, звички та пристрасті.

Ключові слова: випадкове, вічне, любов, звичка, пристрасть.

Natalia Belousova

THE ACCIDENTAL AND THE ETERNAL IN A SHORT NOVEL “OLD-FASHIONED LANDOWNERS” BY N. V. GOGOL

The article aims at examining the attitude of N. V. Gogol to the category of the accidental and eternal in a short novel “Old-fashioned landowners”. The notions of love, habit and passion are compared in the article.

Key words: the accidental, the eternal, love, habit, passion.

Ирина АЛЕКСАНДРОВА

ЭЛЕМЕНТЫ ВОДЕВИЛЬНОЙ ПОЭТИКИ В КОМЕДИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ

Статтю присвячено аналізу елементів поетики російського водевілю початку ХІХ століття і їх впливу на формування художньої специфіки комедій М.В. Гоголя.

Ключові слова: водевіль, герой, драматичний конфлікт, комедія, персонаж, прообраз, театральна умовність.

Творчество Н.В. Гоголя-драматурга приходится на 1830 – 1840-е годы. Значительная часть театрального репертуара этих лет представлена водевилем – особой разновидностью «легкой» комедии с занимательным,